

© 1998 г. В.М. БЕЗОТОСНЫЙ

РОССИЙСКИЙ ТИТУЛОВАННЫЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ В ВОЙНАХ ПРОТИВ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИИ В 1812–1815 ГОДАХ

В плеяду известных и малоизвестных героев эпохи Отечественной войны 1812 г. бесспорно входят и генералы, как имевшие, так и впоследствии получившие дворянские титулы. Для выяснения биографических деталей генералов "грозы двенадцатого года" исследователи до сего времени пользовались книгой В.М. Глинки и А.В. Помарнацкого, в которой были помещены краткие очерки о 332 персоналиях, запечатленных кистью английского художника Д. Доу. Но историкам уже давно известно, что по самым разным причинам в портретной галерее Зимнего дворца представлены далеко не все участники антинаполеоновских войн 1812–1815 гг. Поэтому члены возрожденного "кружка ревнителей памяти двенадцатого года" предприняли попытку создать более полный биографический словарь генералов той эпохи. В настоящее время благодаря их усилиям увидел свет 7-й том "Российского архива", где опубликованы биографии 550 боевых генералов. Помимо портретного ряда, в данном справочнике помещены сведения о происхождении, воспитании, начале военной службы, получении чинов, об участии в боевых действиях, о ранениях, наградах генералов. Основу для написания биографий составили формулярные списки, разнообразные архивные источники и литература¹.

Окончание этой работы дает возможность пересмотреть некоторые общие представления о генералитете того времени. Если говорить о нашей теме, т.е. о генералитете титулованном, то из 550 генералов дворянский титул в конце жизненного пути имели 143, или почти четверть, а в галерее Д. Доу не были изображены 44 человека, т.е. практически каждый третий титулованный не попал в официальную команду победителей². Интересен и расклад по титулам: 23 барона; 61 граф (возведено после 1811 г. 24 человека); 48 князей (возведено 9 человек), из них 8 придавался титул светлейших князей; 1 маркиз; 4 герцога; 4 принца; 1 Великий князь-Цесаревич; 1 король Бельгии.

Высокий процент титулованного дворянства среди генералитета вполне объясним. Аристократия по общему мнению считалась цементирующей основой дворянства, нации и государства, хранительницей вековых традиций, моральных ценностей и культурного наследия. Сам по себе титул как предикат или почетная приставка к фамилии оставался свидетельством породы и заслуг предков. Он являлся категорией моральной, прямо не несущей никаких других привилегий, кроме как положенных любому дворянину. "Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, — писал С.С. Уваров в середине XIX в., — вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого пре-

¹ Безотосный Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного Исторического музея.

имущества, кроме преимущества настоящего усердия, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца"³. Титул имел значимость лишь в мнении общества, отсюда и возникали косвенные преимущества для его обладателя. При юридическом равенстве, кроме того, носитель древней фамилии незримо нес груз моральных обязательств за соответствие титульному кодексу.

Знатное происхождение обязывало (*Noblesse oblige*), а родовая принадлежность предполагала необходимость служения отечеству, причем приоритет отдавался не гражданской, а военной службе. Традиционно отличия "на поле чести" ценились выше, чем чиновнические добродетели на ниве "пера и чернил". В начале XIX в. "для дворянина вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственные лиц"⁴. Неоспорим был и престиж военной формы перед гражданским мундирем, что косвенным образом сказывалось при воспитании молодежи. Вот как, например, писал о себе генерал-майор князь В.В. Вяземский: "С самых малых лет чувствовал я чрезвычайную страсть к военной службе. В детских летах всякой ребенок чувствует некоторую как бы склонность: он беспрестанно играет ружьем, барабаном, палочками, – но сие происходит от игрушек, а входя в лета страсть его уже обнаруживается, у иных – к торговле, у иных – к художеству. Но я, вступивши в службу, счел себя совершенно благополучным..."⁵ Налицо были и другие факторы. Отличное образование европейского уровня (лучшее по сравнению с основной массой мелкопоместного дворянства), социальные и родственные связи в бюрократической государственной структуре, возможности, возникавшие из общения в "высшем свете" и близости ко Двору. Все это создавало благоприятные условия для успешной карьеры. Надо сказать, что 30 генералов с титулами (почти каждый пятый) в молодости получили образование в отечественных учебных заведениях (6 – в Сухопутном Шляхетском, 1 – в Морском, 2 – в Гродненском кадетском корпусе, 9 находились в пажеской службе, один учился в Московском университете)⁶. Ф.В. Остен-Сакен и К.Ф. Клодт фон Юргенсбург занимались в частных учебных заведениях в Эстляндии. Кроме того, многие проходили обучение за границей. Д.Б. и М.Б. Голицыны учились в Страсбургском университете и Парижской военной школе, И.И. Дибич – в кадетском корпусе в Берлине, О.Д. Долон в лицее Св. Варвары в Париже, А.Г. Жомини в Миланской военной школе, Е.Ф. Канкрин в Магдебургском университете, М.А. Милорадович в Кенигсбергском университете, Ф.О. Паулуччи в коллегии иезуитов, Э.Ф. Сен-При в Гейдельбергском университете, П.К. Сухтелен в Гронингенском университете, Ф.К. Тетенборн в Геттингенском и Иенском университетах, К.П. Фуль в Штуттгартской гимназии. Вероятно, многие другие иностранцы, владельцы титулов, перешедшие на русскую службу, прежде получили систематическое образование на родине. Но в их формулярных списках сведений об этом не сохранилось. Большинство же в юности получили домашнее образование, о котором в целом нельзя судить однозначно. Качество обучения зависело от родительских средств и компетентности учителей. По мнению специалистов, его уровень уступал систематическому курсу гимназий⁷. Так, например, В.В. Орлов-Денисов, получивший на Дону лишь твердые наставления "в началах Веры и нравственности", вынужден был, имея уже чин войскового старшины, по совету Г.Р. Державина, посещать частное училище, где учился с малолетними, но "приобрел сведения в истории, географии и математике, языках французском и немецком"⁸.

Быстрому карьерному росту выходцев из элиты способствовало первоначальное прохождение службы в гвардейских частях и дальнейший переход в армейские полки с преимуществом в два чина. Так, из общего числа упомянутых нами генералов, 68 начинали службу в гвардии (34 преображенца, 12 конногвардейцев, 10 измайловцев, 10 семеновцев, 2 кавалергарда), 3 первоначальную военную подготовку получили в гатчинских войсках, 3 – в казачьих полках, 1 – на флоте. В армейских подразделениях начинали воинскую жизнь лишь 28 человек. С гражданской службы на военную перешли 4, а 36 человек перед приездом в Россию служили в иностранных армиях. Карьере способствовало и пребывание в молодости на адъютантских должностях у высших военачальников (М.И. Голенищев-Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, П.М. Волконский, А.П. Тормасов, А.В. Розен, А.А. Закревский, С.С. Голицын, Н.Д. Кудашев, И.А. Ливен и др.)⁹. Большие возможности для успешного прохождения службы давало и получение в офицерских чинах придворного звания флигель-адъютантов (А.И. Чернышев, А.Х. Бенкendorf, В.К. Браницкий, С.Г. Волконский, Л.Ю. Вольцоген, П.В. Голенищев-Кутузов, И.Ф. Паскевич и др.).

Но более всего карьера и репутация генерала зависела от его поведения на поле брани и умения руководить войсками в бою. Формулярные списки генералов – это настоящая хроника русской военной истории с середины XVIII до середины XIX столетия. Очень трудно

выделить из общей массы кого-либо, когда речь идет о храбрости, отваге, хладнокровии, самопожертвовании. Большинство за время карьеры досрочно получили несколько чинов за отличия в боях. Можно указать группу молодежи, сделавшей в 1812–1815 гг. феноменально быструю карьеру (А.И. Чернышев, А.А. Закревский, И.И. Дибич, К.Ф. Толь, С.Г. Волконский, В.В. Левашев, М.М. Платов, П.П. Сухтелен). Правда, есть и штабные генералы, и специалисты, заслуги которых на полях сражений были более скромными (А.А. Аракчеев, К.А. Поццо ди Борго, К.Л. Фуль, П.А. Шувалов, Е.Ф. Канкрин). О том, что большинство не пряталось в тылу во время сражений, красноречиво свидетельствует факт гибели в 1812–1814 гг. 7 генералов с титулами (в 1812 г. – П.И. Багратион, А.И. Кутайсов, В.В. Вяземский, Б.В. Голицын; в 1813 г. – Н.Д. Кудашев, И.В. Мантейфель; в 1814 г. – Э.Ф. Сен-При). Два генерала в кампании 1812 г. участвовали на стороне Наполеона (А.Г. Жомини и И.А. Тилеман), а затем в 1813 г. перешли на русскую службу.

Важную роль для карьеры имели и материальные возможности. Такие титулованные особы как Голицын, П.А. Строганов, М.С. Воронцов, А.И. Остерман-Толстой, П.А. Шувалов, А.И. Кутайсов, М.А. Дмитриев-Мамонов, И.О. де Витт считались одними из богатейших людей России. К примеру, М.А. Дмитриев-Мамонов, 22 лет от роду, без военного и боевого опыта, получил в 1812 г. генерал-майорский чин за формирование за свой счет конного полка. И во главе его, как в стародавние времена в лучших традициях поместного служения, отправился в поход. Знаменитый М.С. Воронцов в 1814 г. при выходе его корпуса из Франции оплатил по счетам долги своих подчиненных – 1 млн. франков¹⁰. Примеры такого рода можно продолжить и далее.

Наличие титула, как правило, предполагало обладание соответствующими земельными владениями и крепостными крестьянами. Хотя встречались представители древних фамилий с весьма скромным достатком. Отец князя В.В. Волконского, ведущего свою родословную от рюриковичей, дослужился лишь до чина надворного советника (VII класс по табели о рангах) и оставил детям 75 душ крепостных¹¹. Братья И. и Ф.С. Жеваховы владели всего 15 крепостными в Черниговской губернии. Многие выходцы из мелкопоместных дворян, заслужившие затем титул, обучались на медные пятаки и в малых чинах жили весьма бедно (М.Б. Барклай-де-Толли, А.А. Аракчеев, А.А. Закревский).

Общеизвестно, что богатством не могли похвастаться многие прибалтийские бароны и немецкие дворяне, смотревшие на службу как на важнейший источник существования. Именно там они проявляли свои лучшие национальные качества: педантизм, дисциплинированность, аккуратность. Материальные возможности возрастали по мере достижения генеральских чинов. Помимо жалованья, подъемных и столовых денег, генералитет давались аренды в Прибалтике и в западных губерниях. В XVIII в. наиболее удачливым генералам жаловались поместья (например, в 1795 г. М.И. Голенищеву-Кутузову, Л.Л. Беннигсену, И.И. Моркову, отцам и родственникам генералов 1812 года: Я.Е. Сиверсу, Н.В. Репнину, Ф.П. Денисову, П.П. Коновницыну, П.А. Палену)¹². Некоторые поправляли свои дела или увеличивали состояния удачной женитьбой (А.А. Закревский, Г.В. Розен И.И. Дибич, М.И. Воронцов, П.И. Багратион). Так, А.И. Чернышев имел за собой в 1849 г. 1122 крепостных крестьян, а за женой (урожденной графиней Е.Н. Зотовой) – 1150 душ¹³. Разница материального положения в начале и в конце карьеры у некоторых была весьма разительной. К примеру, И.Ф. Паскевич имел 140 крепостных по наследству и 19 тысяч душ крестьян новообретенных, а также майорат в Царстве Польском. Носивший тот же чин генерал-фельдмаршала М.Б. Барклай-де-Толли никогда не владел крепостными, правда в время службы получал несколько раз аренды.

Генералов часто награждали и деньгами. Так П.Х. Витгенштейн в 1812 г. был пожалован ежегодной пожизненной пенсиею в 12 тыс. руб. За кампанию 1799 г. П.И. Багратиона наградили 25 тыс. руб. За Бородино М.И. Голенищев-Кутузов был удостоен 200 тыс. руб., за Тарутино Л.Л. Беннигсен получил 100 тыс. руб. единовременно. Такие выплаты практиковались достаточно часто, особенно в периоды военных действий. Состояние одних было недостаточным, другие тратили больше, чем имели. Переписка многих генералов, далеко не бедных, свидетельствует, что они постоянно нуждались в деньгах и часто делали долги. Для некоторых это был, учитывая сильную инфляцию, способ существования (возможно даже выгодный). Владелец более 1,5 тыс. крестьян и доходного конного завода М.И. Платов оставил наследникам долгов на 300 тыс. руб.¹⁴. Общая сумма задолженности семьи М.И. Голенищева-Кутузова в 1806 г. исчислялась в 243 тыс. руб. По его прошению на Высочайшее имя император пожаловал ему и его жене "для оплаты долгов по службе нажитых..." 50 тыс. руб. Александр I также приказал оплатить все долги после его смерти в 1813 г.¹⁵. Причем это – ординарные примеры судеб высших генералов. Что уж говорить об известных мотах

таких как М.И. Милорадович, живший на широкую ногу и постоянно балансируя на краю "финансовой пропасти". Трудно было найти более легкомысленного и расточительного человека, чем он. За Кульмское сражение ему пожаловали 50 тыс. руб. – через неделю вся сумма была истрачена. По окончании боевых действий в 1814 г. Милорадович ходатайствовал перед Александром I о выдаче ему жалованья и столовых денег за три года вперед. Просьбу император уважил, деньги же были израсходованы еще до отъезда из Парижа¹⁶.

Необходимо особо отметить, что не все генералы – носители титулов – с рождения имели таковые. Одни унаследовали их до 1812 г. по женской линии (В.В. Орлов-Денисов, А.И. Остерман-Толстой, Н.Г. Репнин-Волконский), другие были возведены за служебные отличия (А.А. Аракчеев, М.И. Голенищев-Кутузов, И.И. Морков), некоторые – в связи с получением титула отцами (А.И. Гудович, С.М. Каменский, А.И. Кутайсов, И.А. Мусин-Пушкин, братья Меллер-Закомельские, Палены, Сиверсы) или материами (И.А. Ливен).

В течение 1812 г. пожалования титулами были немногочисленны и давались не за отличия на поле брани. Так, за прежние заслуги 6 сентября 1812 г. графское и баронское достоинство Великого княжества Финляндского получили барон Ф.Ф. Штейнгель и П.К. Сухтелен (соответственно и его сын П.П. Сухтелен). М.И. Платов (также как и его сын М.М. Платов) стал графом за сформирование ополчения на Дону. Титул светлейшего князя М.И. Голенищев-Кутузов получил за войну с турками перед назначением главнокомандующим, правда за изгнание неприятеля из России был наименован Смоленским. В 1813 г. в графское достоинство были возведены М.И. Милорадович, М.Б. Барклай-де-Толли (в 1814 г. пожалован княжеский титул) и барон Л.Л. Беннигсен. В 1814 г. сардинский король пожаловал в графы А.Ф. Мишо (в 1839 г. получил приставку – де Боретур). Следующие получения графских титулов от Александра I также во многом были обусловлены заслугами генералов в эпоху 1812 года: А.П. Тормасова (1816), П.П. Коновницына (1819) и барона Ф.В. Остен-Сакен (1821). В 1819 г. графом стал А.Д. Гурьев в связи с получением этого титула отцом.

В 1826 г. при коронации Николая I в графское достоинство были возведены А.И. Чернышев, Д.Д. Курута, К.А. Поццо ди Борго. В последующем почти ежегодно генералам "двенадцатого года" жаловались титулы: барону И.И. Дибичу с наименованием "Забалканский", И.Ф. Паскевичу (с титулом граф Эриванский), барону К.Ф. Толю, барону К.М. Опперману, Е.Ф. Канкрину, И.В. Васильчикову, П.В. Голенищеву-Кутузову, А.Х. Бенкендорфу, П.К. Эссену, В.В. Левашеву, А.П. Никитину, Ф.В. Ридигеру. Следует сказать и о получении графского титула Великого княжества Финляндского А.А. Закревским.

В это же царствование получили княжеский титул И.Ф. Паскевич (светлейшего князя Варшавского), Ф.В. Остен-Сакен, И.В. Васильчиков, А.И. Чернышев и граф М.С. Воронцов. Двое последних стали именоваться светлейшими князьями, так же как и два наследственных князя – П.М. Волконский и Д.В. Голицын. Кроме того, в 1834 г. от прусского короля титул светлейшего князя получил П.Х. Витгенштейн, а И.А. Ливен стал светлейшим князем в 1826 г. по случаю возведения в княжеский сан его матери.

С 1812 по 1825 г. на боевой генералитет пришлось 2 княжеских и 9 (из 11) графских пожалований. При Николае I из 31 новоиспеченного графа и 14 князей на долю генералов 1812 г. выпало соответственно 16¹⁷ и 9. В целом, заслуги генералитета, воевавшего с Наполеоном, больше оценил Николай I (тогда получение титула рассматривалось как Высочайшая награда), хотя один генерал – С.Г. Волконский – был лишен прав дворянства за участие в восстании декабристов. Александр I наградил титулами лишь военную верхушку. В конце жизни из 7 главнокомандующих без титула остался лишь П.В. Чичагов, на которого общественное мнение возложило вину за уход Наполеона из России. Остальные, не считая погибшего П.И. Багратиона, получили или повысили свой статус. Из 55 генералов 1812 г. корпусного уровня титул не имели лишь 15 человек.

В России не существовало строго определенного порядка возведения в графское или княжеское достоинство. Правда, некоторые авторы утверждали, что подобные награды жаловались лицам, уже имевшим орден Св. Андрея Первозванного¹⁸. Эти суждения не совсем верны. К примеру, П.П. Коновницын, Ф.Ф. Штейнгель, Д.Д. Курута, К.И. Опперман вообще не имели этого ордена, но получили титул. Другие (М.И. Платов, М.А. Милорадович, А.Х. Бенкендорф, П.Е. Эссен) сначала получили титулы, а затем были удостоены данного ордена. В то же время нельзя забывать, что иногда титул присваивался, чтобы избежать повышения в воинском звании. Так, Л.Л. Беннигсен, один из редких обладателей престижного ордена Св. Георгия 1-го класса, не получил чин генерал-фельдмаршала, поскольку больше всего этого не хотел Александр I. При Николае I А.И. Чернышев,

фактически второе лицо в государстве, прошел все ступени "титуляризации", вплоть до светлейшего князя, но так и не удостоился чести стать генерал-фельдмаршалом. Самым важным фактором для получения титулов, помимо выдающихся "деяний", всегда оставалась близость того или иного лица к императорскому двору. Не случайно, из общего числа титулованных генералов 1812 г. 39 носили придворное звание генерал-адъютантов (свидетельство доверия императора), причем 15 из них прежде облачились в генерал-адъютантский мундир и лишь затем получили или повысили титульный статус. Следующими важными поводами могли стать служебные отличия, личные симпатии императора, обычно проявлявшиеся наиболее полно при коронации, а также реакция российского монарха на события и просьбы родственников, разного рода политические и дипломатические соображения.

"Титуляризация" генералитета складывалась из двух взаимонаправленных моментов. Выходцы из служивого дворянства, попадая благодаря заслугам и талантам в среду высшей военной бюрократии, чтобы соответствовать своему положению и укрепить его в глазах общества, понимали необходимость наличия титула как признания заслуг. В служебной сфере аристократия фактом своего существования подавала пример всему дворянству; возможность достижения титула создавала мощные стимулы для служебного рвения. Достаточно привести пример донского войскового атамана М.И. Платова, осуществившего в 1812 г. свою давнюю мечту стать графом, что отражено в документах и мемуарах¹⁹. Российские императоры традиционно выбирали для себя профессиональные занятия военным делом. Не были исключением и сыновья Павла I, смотревшие на армию как на главное и любимое детище. Но, воспитанные в "гатчинском духе", они считали себя наиболее компетентными во фронтовой службе и на парадах. Хуже дело обстояло с практикой применения знаний, полученных на плацах и вахт-парадах, во время военных действий. Этот недостаток мог компенсировать тезис: "Великие мужи могут совершать великие подвиги только при великих государях". Военная слава боевых генералов должна была стать мощной поддержкой репутации русских императоров. Поэтому они стремились иметь в ближайшем окружении титулованных особ с генеральскими эполетами, освященных славой и "памятью двенадцатого года". Причем для Николая I это было гораздо важнее, чем для Александра I, въехавшего на белом коне во главе союзных войск в Париж.

Брат победителя Наполеона взошел на престол, когда старшего поколения генералитета 1812 г., имевшего европейскую известность, уже не было в армии, некоторые пришли не ко двору²⁰. Поэтому Николай I старался привлекать последний эшелон – молодежь, получившую в 1812–1815 гг. генерал-майорские и генерал-лейтенантские эполеты. Вернее, тех, кому удалось вписаться "во фронт" николаевской эпохи, где все было подчинено внешнему эффекту. Сам же царь бывал мелочен и придиличив и "за какие-нибудь фронтовые ошибки не щадил в таких случаях ни заслуг, ни лет"²¹.

Наиболее яркие и характерные фигуры того времени – А.И. Чернышев, И.В. Васильчиков, П.В. Голенищев-Кутузов, И.И. Дибич, В.В. Левашев, И.Ф. Паскевич, К.Ф. Толь, А.А. Закревский. Именно эта группа генералов, заложив основу своей блестящей карьеры при Александре I в наполеоновских войнах, в "николаевской России" получила титулы и занимала высшие должности в армии и государстве.

Но еще при Александре I среди генералитета возникли оппозиционные настроения процессу "титуляризации". Самым известным противником "преимуществ породе принадлежащих" стал генерал А.П. Ермолов. Он демонстративно выражал свою нелюбовь к аристократии и всячески уклонялся от получения титула²². Так, ожидая высочайшую награду за успешное посольство в Персию, он писал А.А. Закревскому: "Если... дать мне графское достоинство, я ручаюсь, что жизни рады не будут, ибо подам рапорт, в котором изъясню причины, почему не желаю иметь его. Довольно для нас Милорадовичей и Тормасовых, которые от подобных пустяков без памяти..."²³ Ермолов даже грозился подать в отставку. Заметим, что некоторые представители столбового дворянства (Н.Н. Раевский, А.Д. Балашов, Нарышкины) также превентивно отказывались от титулов, считая, что их предки занимали в предшествующие царствования исключительное положение, в силу чего их фамилии по всей известности не нуждаются ни в каких дополнительных аристократических отличиях. Однако подобные поступки являлись скорее исключением, чем правилом.

Процесс раздачи титулов стал набирать обороты при усилении бюрократических начал во время царствования Николая I. Титулы давались за блестящие военные кампании (И.И. Дибич, И.Ф. Паскевич); за профессионализм в инженерном деле (К.И. Опперман) и на экономическом поприще (Е.Ф. Канкрин); за успешное губернаторство (Д.М. Голицын,

А.А. Закревский, В.В. Левашев, П.К. Эссен); военное управление (А.И. Чернышев, Ф.В. Остен-Сакен, К.Ф. Толь, М.С. Воронцов); конкретную дипломатическую (К.А. Пощо ди Борго), придворно-штабную (И.В. Васильчиков, П.В. Голенищев-Кутузов, П.М. Волконский), охранительную (А.Х. Бенкендорф) и беспорочную военную службу. Это условная классификация поля деятельности, где каждый из названных лиц лучшим образом проявил себя. При получении титула, конечно же, учитывался весь спектр заслуг и как бы задним числом боевая деятельность в 1812–1815 гг. Например, А.П. Никитин получил графский титул по рескрипту 19 сентября 1847 г. за 50-летнее служение "ознаменованное достохвальными подвигами прошедших войн"²⁴

В целом картина "титуляризации" выглядела следующим образом. С 1812 г. 35 генералов получили и повысили титульный статус. Из них 23 человека не имело титулов. В этой группе М.Б. Барклай-де-Толли, И.В. Васильчиков, И.Ф. Паскевич, П.К. и П.П. Сухтелены затем повысили свое титульное положение, а рекордсменом стал А.И. Чернышев (граф, князь, светлейший князь). Остальные 12 человек повысили свой аристократический статус, из них только И.А. Ливен и Ф.В. Остен-Сакен дважды получали титулы (прошли путь от барона до князя).

Ожесточенные генеральские распри 1812 г. имели резко выраженную национальную окраску. Это побуждает нас проанализировать данные о национальной принадлежности генералов, что нелегко сделать даже для носителей знаменитых фамилий. В начале XIX в. в формулярных списках отсутствовала графа национальность. Официальный менталитет придавал тогда большее значение вероисповеданию. Соответствующие графы делопроизводственной документации (например, формулярных списков)²⁵ не всегда дают возможность точно определить вероисповедание и национальность. Особенно это характерно для иностранцев, перешедших на русскую службу. Сведения о них содержат минимальную информацию. Часто встречаются весьма экзотические записи, дающие простор для исследовательской фантазии. Вот лишь несколько примеров. С.Э. Жевахов – "из грузинских князей российский уроженец Черниговской губернии"; И.М. Дука – "сербской нации из дворян уроженец г. Анкона"; Д.Д. Курута – "греческого дворянства из архонских детей"; В.Г. Мадатов – "из армянских князей Карабахского ханства"; А.Ф. Мишо де Боретур – "уроженец из Пьемонта архитекторский сын"; И.К. О'Рурк – "из ирландских дворян в вечном России подданстве"; П.К. Сухтелен – "голландской нации штаб-офицерский сын в вечном российском подданстве и принятый в сословие российских дворян". В этой связи рассмотрим запутанный в литературе вопрос о национальности М.Б. Барклай-де-Толли. Большая часть авторов, когда имя этого знаменитого полководца было реабилитировано в историографии, стало называть его шотландцем, романтизируя его генеалогические корни. Но с таким же успехом большинство русских дворян, отсчитывавших свои родословные от иностранных предков, следовало бы назвать татарами, немцами, шведами, литовцами, поляками и т.д. Национальная идентификация должна определяться путем анализа родственных связей, национального самосознания, воспитания, родного языка и религии. С этой точки зрения Барклай, лютеранин, воспитанного в немецкоговорящей среде и имевшего многочисленных немецких родственников (в трех поколениях своих предков), можно считать лифляндцем или немцем российского происхождения.

Если рассматривать титулованный генералитет 1812–1815 гг., то без особого труда можно заметить на высших постах российской императорской армии потомков древних русских родов: рюриковичей (князья Оболенские, Одоевские, Горчаковы, Репнины, Долгоруковы, Вяземские, Шаховские, Щербатовы, Волконские, Львовы, Вадбольские, Мышецкие, Козловские, Хилковы, графы Дмитриевы-Мамоновы – 17 человек); гедеминовичей (князья Голицыны, Трубецкие, Хованские – 6 человек), представителей старинных боярских фамилий (Голенищевы-Кутузовы, Толстые, Мусины-Пушкины, Васильчиковы, Коновницыны и др.)²⁶. К ним можно отнести и выходцев из обрусевшей татарской знати: потомка хана Кучума князя Сибирского, князей Урусовых и Кудашевых. Особицей стоит лишь крымско-татарский князь К.М. Балатуков, правда, принявший православие. Значительное место занимала и "новая" петербургская аристократия, представители фамилий, как выражались в XVIII в., "попавших в случай": Шуваловы, Воронцовы, Остерманы, Кутайсовы, Аракчеевы, Каменские, Гудовичи, Морковы, Денисовы, Левашовы, Меллер-Закомельские, Палены, Сиверсы.

Необходимо отметить и одноверческие роды. Большое представительство имели носители грузинских царских и княжеских фамилий Багратиды, Яшвили, Джавахишвили (8 человек). Из многочисленных дворян югославянских народов, еще с XVIII в. с оружием в руках служивших России, титулы имели только И.М. Дука, П.И. Ивелич и М.А. Мило-

радович. К ним можно отнести и дворянина греческого происхождения Д.Д. Куруту и близкого по вере армянского князя В.Г. Мадатова. Всего же российских дворян и их единоверцев в рядах титулованного генералитета было 75 человек, т.е. чуть больше половины общего числа. Остальные были лютеранами и католиками.

Среди носителей иностранных фамилий самое большое место занимали немецкие роды. Условно, исходя из исторического обособления, их можно разделить на германскую (23 человека) и прибалтийскую (22 человека) группы, хотя некоторые представители германских родов (Мантейфели, Витгенштейны, Дризены, Левенштерны), как и курляндские, лифляндские и эстляндские дворяне, служили в российской армии с XVIII в. и с большим основанием могли бы именоваться "остзейцами". В то же время, сыновья Меллера-Закомельского, дослужившегося от вольноопределяющегося до генеральского чина, нами отнесены на основании записей в формулярных списках в российские роды, также как и воспитанный в православии П.К. Эссен и потомок графов Остерманов по женской линии – А.И. Остерман-Толстой.

Многочисленность германских родов (23 человека, больше, чем остзейцев) объясняется политическими и династическими причинами. 9 человек из этой группы – принцы и герцоги, родственники императорского дома. Большая часть остальных германцев, кроме уже упомянутых Л.Л. Беннигсена, И.И. Дибича, К.Ф. Канкрина, К.И. Оппермана, с юношеских лет находилась на русской службе. Непосредственно до или в течение 1812–1813 гг. в ряды генералитета вошли 6 титулованных германцев (К.Л. Фуль, Ф.Ф. Винцингероде, Ф.К. Тетенборн, И.А. Тилеман, Л.Г. Вальмоден-Гимборн, Л.И. Вальцоген).

Следующие по численности – итальянская и французская группы титулованных иностранцев. Несмотря на большую эмиграцию в Россию, вызванную революционными потрясениями в Европе, необходимо отметить, что французский нобилитет (5 человек) среди российских генералов занимал более скромное место, чем германские роды, уступая даже итальянцам (7 человек). Польская знать была представлена несколькими фамилиями (4 человека), оставшимися верными России. Это даже вполне объяснимо, поскольку подавляющее большинство польской аристократии воевало в рядах армии Наполеона. Минимальное число насчитывали голландские дворянские роды (4 человека). Остальные национальные группы (шведские, ирландская, швейцарская, датская) представлены по одному человеку.

В целом титулованный генералитет отражал весь спектр национальных, династических и политических особенностей российской империи. Но нельзя не заметить и перекоса в среде титулованных генералов – половина из них носила иностранные фамилии. Такого явления никогда не было ни до, ни после 1812 г.²⁷ Наличие большого числа дворян-иностранцев в рядах генералитета в тот период объясняется не только исконной симпатией императорской фамилии Романовых к европейским кондотьерам с титулами (особенно к "немцам"), но и стратегическими, и чисто практическими расчетами.

Принятие на службу иностранцев (как правило из государств, воевавших под началом Наполеона против России в 1812 г.) имело особый политический смысл. Во время боевых действий нельзя было ожидать очень большой пользы от чужестранных генералов. Часто из-за языкового барьера они не могли командовать, и использовались в качестве советников или штабных сотрудников. Все же было лучше держать их на русской службе, нежели иметь в качестве противников. Не менее важен был и другой аспект. Большинство из них являлись ярыми противниками Бонапарта, и, находясь на чужой для них стороне (как правило, были близко связаны лишь с русским императором), они выполняли функции надзора за русским генералитетом, следили за настроениями и могли пресечь негативные для царя тенденции. Практическая польза от пребывания в русской армии иностранцев ощущалась уже в конце кампании 1812 г., когда "русские" немцы договорились с пруссаками и подписали Таурогенскую конвенцию, в результате чего прусский корпус оказалсянейтрализованным. Еще больше выгод извлекли с вступлением русских войск на территорию Западной Европы. Взрыв национального антинаполеоновского движения в Германии во многом был обусловлен деятельностью немецких родственников династии Романовых и "немцев" в русских мундирах.

Однако любая медаль имеет и оборотную сторону. Чрезмерное засилие иноземных представителей в генеральской среде неизбежно должно было вызвать внутреннюю реакцию, что и произошло. Весь XVIII в. русское дворянство, несмотря на стойкое предубеждение к иностранцам, уходящее корнями в допетровское прошлое, достаточно мирно сосуществовало, хотя и конкурировало с "немцами" (общее прозвище европейцев). Во многом этому помогли противоречия в среде правящего класса (дворянское общество Москвы

постоянно играло роль оппозиционной "фронды" к бюрократической элите Петербурга) и наличие противоборствующих группировок (дворцовые перевороты).

1812 год если не сгладил социальные трения внутри русского дворянства, то отодвинул их на второй план. Патриотический подъем и недовольство засильем иностранцев в высших эшелонах армии и в военном окружении царя породило в офицерской среде уже на начальном этапе войны неформальную группировку под условным названием "русская партия".

В историографии все еще слабо исследован вопрос о составе, деятельности и идеологии данной группы²⁸. Она включала в себя представителей различных слоев дворянства, одетого в шинели, в том числе и титулованного, выражала интересы офицерской молодежи и генералитета с русскими фамилиями. Обилие иностранцев в штабах и на командных постах вызывало вполне понятные опасения русских военных как за судьбу державы, так и за свою карьеру. Офицерская среда в любые времена отличалась повышенной профессиональной конкуренцией и борьбой честолюбий.

В данном случае сошлись интересы многих русских генералов. Возникшее под влиянием быстро протекавших событий неформальное объединение не имело никакой структуры. Связующим звеном являлись родственные и личные дружеские отношения. В армии на тот момент видные посты занимали многие потомки московских бояр и выходцы из столбового дворянства, могущие поспорить о древности своих родов, веками служивших русским царям. В командной среде выделялись представители семейных кланов Тучковых, Ланских, Олсуфьевых, Давыдовых, Бахметьевых, Бороздиных, Чичериных, Мусиных-Пушкиных, Васильчиковых, Мезенцевых, Марковых, Кологриловых, Вистицких, Игнатьевых, Мордвиновых, Рылеевых, Репнинских, Сазоновых, Лихачевых, Шепелевых, Рахмановых, Аргамаковых, Арсеньевых, Турчаниновых, Ефимовичей, Денисьевых, Желтухиных, Каблучковых, Талызиных, Ивановых, Кульневых, Княжниных, Свечиних, Кутузовых, Ушаковых и др. К началу XIX в. российское поместное дворянство становилось классом родственников, что способствовало образованию в армии питательной среды для возникновения "русской партии".

Военная оппозиция выдвигала на передний план популярного в военной среде П.И. Багратиона и использовала его имя как знамя, за которым шли многие военачальники: братья Тучковы, Васильчиковы, Голицыны, Н.Н. Раевский, А.П. Ермолов, Д.С. Дохтуров, П.В. Шувалов, М.И. Платов, П.П. Коновницын, а также вел. кн. Константин Павлович. Судя по личной переписке, группировка опиралась и ориентировалась на консервативные круги высшей военной бюрократии в столицах (А.А. Аракчеев, Ф.В. Ростопчин).

Оппозиционные настроения затронули в основном высший генералитет и штабные структуры до дивизионного уровня. Второй активной группой стала штабная молодежь – адъютанты и офицеры свиты по квартирмейстерской части (где также было много носителей иностранных фамилий). Не случайно, например, в начале войны в 1-й Западной армии сменилось три начальника штаба. Причем все три назначения состоялись против желания главнокомандующего. Последним, занявшим этот пост, был А.П. Ермолов, популярный в армии генерал и, наверное, самый известный критик "немецкого" засилья. Со временем он стал играть одну из главных ролей в генеральских интригах. Традиционно раздражение у армейского генералитета вызывала императорская Главная квартира и конъюнктурное поведение чинов царской свиты. "И вся Главная квартира немцами наполнена так, что русскому невозможно жить и толку никакого нет...", – жаловался Багратион А.А. Аракчееву 29 июля 1812 г.²⁹

О нешуточных страстиах, кипевших среди генералов в 1812 г., свидетельствуют многие источники. Достаточно проанализировать опубликованную переписку и мемуары, и станет ясно, что большинство испытывало чувство обиды на собратьев по военному цеху, а заодно и на начальство за игнорирование их военных заслуг. Дело в том, что каждое военное звание имело еще внутреннее старшинство, в зависимости от времени производства в чин. Поэтому каждый генерал очень внимательно следил за карьерой младших в его чине коллег. Если же кто-то из таковых обходил его, это воспринималось очень болезненно и часто приводило к написанию прошений об обстановке. Поэтому в 1812 г. на боевые действия насыпались рецидивы местничества, груз личных обид и генеральских претензий друг к другу.

Можно рассмотреть случай, повлиявший на ход военных действий 1812 г., – спор о старшинстве П.И. Багратиона и М.Б. Барклай-де-Толли, произведенных в чин генералов от инфантерии в один день и одним приказом. Некоторые историки считали, что они были равны в чинах, другие утверждали, что Багратион превосходил наградами и военным

стажем. Были и такие, кто констатировал старшинство Барклая по должности военного министра. Все эти предположения абсолютно не верны. Военный регламент существовал не для толкований, а для четкого выполнения. Багратион в приказе от 20 марта 1809 г. и в "списках генералитету по старшинству" значился впереди Барклая, следовательно, имел старшинство. Для нас важен другой аспект. В начале 1809 г. Барклай из 61 генерал-лейтенанта российской империи в "списке по старшинству" занимал 47 место. Получив новый чин, он обошел по крайней мере 45 генерал-лейтенантов³⁰. В их числе были: Д.С. Дохтуров, П.И. Меллер-Закомельский, М.А. Милорадович, А.И. Остерман-Толстой, М.И. Платов, Н.А. Тучков, Ф.П. Уваров. Здесь перечислены лишь командовавшие корпусами 1-й армии в 1812 г. Список можно продолжить, упоминая только генералов с титулами: А.И. Горчаков, И.И. Морков, С.Н. Долгоруков, С.М. Каменский, А.Ф. Ланжерон, Б.А., В.В. и Д.В. Голицыны, П.А. Толстой, Д.М. Волконский, П.К. Эссен, Ф.В. Остен-Сакен, И.К. Розен. Столь быстрое производство за отличие имело большой резонанс. Многие недовольные генералы написали тогда императору прошения об отставке³¹. Именно здесь кроется первопричина массовой неприязни генералитета к личности Барклая, особенно аристократических верхов армии, видевших в нем "выскочку" и человека "без рода и племени".

Поэтому не следует сводить конфликт только к национальным противоречиям. Налицо был социальный и профессиональный аспект. Это видели многие современники, даже далекие от армии. М.А. Волкова 15 августа 1812 г. писала: "... Барклай, который по службе моложе Платова, Багратиона и двенадцати генерал-лейтенантов, которые у него под командою, заведует всем войском и так ведет себя, что возбудил общую ненависть"³². Если учесть, что больше всего генералов с титулами находилось тогда в 1-й армии (48 человек) и при Главной квартире (18 человек), то нетрудно предположить, что Барклай-де-Толли должен был столкнуться не только с национальной, но и с социальной предубежденностью. Кроме того, и личные качества Барклая – принципиальность, отсутствие низкопоклонства, слабая приспособляемость к ситуации – отторгали от него людей, привыкших к соблюдению служебного этикета и аристократических традиций.

Национальные и социальные моменты приобретали специфические черты и формы выражения по мере развития военных действий. Первоначально генеральские споры велись в высших штабных сферах о методах и способах противодействия Наполеону. Затем самым подходящим объектом для критики военных кругов стала фигура генерала Фуля в связи с его идеей Дрисского лагеря. В Главной квартире не нашлось генерала, не бросившего камень в "фулев огород". В наиболее резкой форме против него выступал Ф.О. Паулуччи. Он заявил, что автор данного плана достоин одного из двух: "или сумасшедшего дома, или виселицы"³³. Аналогичные мысли высказывал А.А. Закревский: "Проклятого Фуля надо повесить, расстрелять и истиранить, яко вредного человека нашему государству"³⁴. Несмотря на то, что официальная критика сдерживалась присутствием в войсках Александра I, появились первые обвинения в предательстве. «Армия, – писал В.И. Левенштерн, – жестоко обвиняла генерала Пфуля, даже было произнесено слово "измена"»³⁵.

После отъезда императора в Москву отступление продолжалось, и вину за отход в глубь собственной территории стали возлагать уже на Барклай-де-Толли и его окружение. "Стыдно носить мундир, – писал Багратион А.П. Ермолову, – буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников – никогда!"³⁶. Нечто подобное, но чуть позднее, по словам Р. Вильсона, высказал лично Барклаю М.И. Платов: "Видите, сударь, на мне одна шинель. Я не надену русский мундир, он для меня позорен!"³⁷

После соединения 1-й и 2-й армий под Смоленском из-за отсутствия правовой базы в юридических взаимоотношениях между главнокомандующими создалась патовая ситуация. Хотя Багратион заявил о своем добровольном подчинении Барклаю (его армия была меньше по численности в 2 раза), он имел полное законное основание не выполнять приказов. Положение усугубилось после сдачи Барклаем Смоленска. Уже не только генералы, но и офицеры и солдаты ругали главнокомандующего 1-й армии "как немца и изменника". Под завесой критики национальной принадлежности произошел и взрыв шпиономании, направленной против иностранцев в русских штабах. Были высланы из армии четыре флигель-адъютанта царя, по национальности поляки³⁸, руководитель разведки 2-й армии подполковник маркиз Мориц де Лезер; высказывались подозрения в отношении французов на русской службе, а также баронов Л.И. Вольцогена и В.И. Левенштерна³⁹. Необходимо отметить, что в данном случае пострадали больше не немцы, а поляки и французы.

К этому времени борьба мнений по поводу способа действий окончательно переросла в

столкновение личностей и группировок. И еще до сдачи Смоленска Петербург вынужден был решить вопрос о назначении единого главнокомандующего. Из шести кандидатов на этот пост в списке Чрезвычайного комитета по его избранию (Л.Л. Беннигсен, П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, А.П. Тормасов, П.А. Пален, М.И. Голенищев-Кутузов) титула не имел Д.С. Дохтуров (А.П. Тормасов получил его позднее), а двое (Л.Л. Беннигсен и П.А. Пален) по этнической принадлежности считались "немцами" (что никого не смущало). Показателен был в составе Чрезвычайного комитета: из шести членов только один не имел титула. Выбор М.И. Голенищева-Кутузова был предопределен членами комитета в некоторой степени указом Александра I от 29 июля 1812 г. о возведении его в княжеское достоинство с присвоением титула светлости⁴⁰. Ведь "избрание сверх воинских дарований" основывалось "и на самом старшинстве"⁴¹. Новый же главнокомандующий, будучи самым старым из полных генералов, единственный в действующих армиях имел высший титул светлейшего князя. Титулование не только выделяло его из всех генералов, но и усиливало старшинство⁴².

Этот фактор, а также концентрация почти неограниченной власти в одних руках, внешне утихомирили генеральские страсти, хотя и не уменьшили числа недовольных. "Русская партия" не добилась поставленных целей и у нее выбили главный козырь. Во главе армий был поставлен русский. Кроме того, пропала даже видимая легитимная возможность вести борьбу и группировать недовольных. Субординация и дисциплина препятствовали этому, оставалось лишь выражать недовольство в частных разговорах⁴³.

Высший генералитет и штабная молодежь "за глаза" критиковали нового главнокомандующего. Среди неодобрительно отзывавшихся о М.И. Голенищеве-Кутузове генералов были многие герои 1812 г.: М.Б. Барклай-де-Толли, П.И. Багратион, М.А. Милорадович, А.П. Ермолов, Д.С. Дохтуров, Н.Н. Раевский, М.И. Платов и др. Помимо личных и старых служебных обид, генералы ставили в вину оставление Москвы, разлад армейской системы управления, пассивность в ведении военных действий. В доносах, поступавших из Тарутинского лагеря в Петербург, информировали, что светлейший спит по 18 часов в сутки. Любопытную реакцию на это заявление продемонстрировал генерал Кноринг из военного министерства: "Слава Богу, что он спит, каждый день его бездействия стоит победы". Не менее оригинально этот генерал отреагировал на другое обвинение ("возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу"): "Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело"⁴⁴.

Гласно критиковали действие "светлейшего" не только русские воины. Английский генерал Р. Вильсон и московский главнокомандующий Ф.В. Ростопчин были в числе критиков. С потенциальными конкурентами в рядах армии (те, кто мог "подсидеть") Кутузов, проявив терпение и незаурядные способности в закулисной борьбе, разобрался в течение 1812 г. Нелюбивший нового главнокомандующего П.И. Багратион выбыл из строя после Бородина, а заболевший Барклай-де-Толли – после оставления Москвы. Перестали существовать и штабы 1-й и 2-й армий – центры интриг и борьбы генеральского честолюбия. Раздражающим фактором оставался лишь Л.Л. Беннигсен, единственный, кто обжаловал поведение главнокомандующего в письмах к императору. Сначала с помощью ближайшего кутузовского окружения (П.П. Коновницын, К.Ф. Толь) начальник штаба был отрешен от влияния на управление армией, а затем выслан. Причем, в разыгравшейся борьбе "Кутузов-Беннигсен" нельзя было найти национальной подоплеки. Последним же актом генеральских распри стала опала адмирала П.В. Чичагова, на которого общественное мнение не без помощи Кутузова возложило ответственность за неудачи на Березине.

Офицерство в целом было скорее во власти официальных представлений о "победителе Наполеона". Лишь некоторые штабные сотрудники позволяли себе негативно оценивать главнокомандующего в своей частной переписке. Одним из таких смельчаков был А.А. Закревский, продолжавший писать в духе "русской партии" ("за что произвели его в фельдмаршалы?", "по милости вышних начальников мундир нам носить не хочется")⁴⁵. Он резко высказывался и по поводу награждения Кутузова императором орденом Св. Георгия 1-го класса. ("Надел на Старую Камбалу Георгия 1-го класса. Если спросите за что – ответа от меня не дождитесь").⁴⁶ Генеральские страсти медленно утихали к концу кампании 1812 г., хотя отголоски былых бурь были слышны и позднее. Так, осведомленный петербуржец И.П. Оденталь в письме от 5 января 1813 г. к А.Я. Булгакову писал, что П.Х. Витгенштейн, сказавшись больным, сдал команду и "писал к Государю, что не может продолжать службу со связанными руками". В том же письме сообщалось: "В армии три противных партии и это между подданными кротчайшего монарха!!!"⁴⁷

После того, как в зените славы ушел из жизни М.И. Голенищев-Кутузов, через неко-

торое время русские войска вновь возглавил М.Б. Барклай-де-Толли,озванный в графское, а затем и в княжеское достоинство Российской империи. Памятники в Петербурге этим двум военным вождям, умершим с княжескими титулами, стали символами когорты российского разноплеменного генералитета, добившегося окончательной победы над Наполеоном.

Примечания

¹ Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. Более полные биографии (151 очерк) были помещены в издании: император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Т. 1–6. Спб., 1845–1849. Подр. см.: Поливанов М. Алфавитные указатели. СПб., 1908. С. 3–6; Российский архив. Т. VII. М., 1996.

² Для сравнения приведем данные, имеющиеся в литературе. На начало XVIII столетия только $\frac{1}{7}$ часть офицеров – выходцев из феодальной аристократии – составляли титулованные особы. По отношению ко всему офицерскому корпусу их удельный вес был еще ниже – 3,4% (см.: Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 142). Среди офицеров русской армии в 1812 г. титулованных дворян было еще меньше – 1,9% (см.: Целорунг Д. Калита № // Родина. 1992. № 6–7. С. 10). В 1825 г. среди сенаторов они составляли 20%, среди губернаторов – 2,7%, а всего среди чиновников правящей бюрократии – 5,9% (см.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 45, 52, 55).

³ Цит. по: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 45.

⁴ Государственная канцелярия (1802–1902). СПб., 1902. С. 15.

⁵ Русские дневники: 1812 год... М., 1990. С. 185.

⁶ См.: Бэзотский В.М. Боевые генералы 1812–1815 гг. – воспитанники отечественных учебных заведений // Бомбардир. 1995. № 1. С. 27–29.

⁷ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 131; Мироненко С.В. Указ. соч. С. 39.

⁸ Император Александр I и его сподвижники... Т. 1. СПб., 1845. С. 2.

⁹ Например, братья Меллер-Закомельские были назначены адъютантами к своему отцу.

¹⁰ Старина и новизна. Кн. 5. [Б.м.] 1902. С. 125.

¹¹ Русские дневники: 1812 год... С. 185.

¹² ОР РГБ. ф. 53, д. 6334, л. 127–132.

¹³ РО ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 265, оп. 2, д. 3038, л. 1.

¹⁴ Тарасов Е.И. Донской атаман Платов (1751–1818): Его жизнь и подвиги. СПб., 1902. С. 31.

¹⁵ Гуляев Ю.Н., Согласов В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 376.

¹⁶ Анекдоты, черты из жизни графа Милорадовича. Киев, 1881. С. 74–75.

¹⁷ Графский титул при Николае I получили также участвовавшие в офицерских чинах в боевых действиях 1812–1815 гг. А.Ф. Орлов, П.Д. Киселев, Л.А. Перовский и П.А. Клейнмихель.

¹⁸ См.: Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. С. 200; Рожков А. Титулованная Россия // Нева. 1992. № 3. С. 286.

¹⁹ А.П. Ермолов вспоминал, как П.И. Багратион (а затем и сам Ермолов) "изыскивал способ возбуждать его (т.е. Платова) к предприимчивости и деятельности чрезвычайной, проведав непреодолимое его желание быть графом" // Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 179. М.Б. Барклай-де-Толли также обещал атаману титул графа // Военный сборник. 1906. № 1. С. 205.

²⁰ Прибывший в Петербург в 1829 г. А.И. Михайловский-Данилевский писал: "Я провел в Петербурге только дней с десять и нашел большую во всем перемену; тех, которые имели влияние на дела при Александре, большую частью не стало, и места их заняты были другими" (Михайловский-Данилевский А.П. Записки: 1829 год // Русская старина. 1893. № 7. С. 177).

²¹ См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 107.

²² См.: Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 30–31.

²³ Сборник Русского Исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 269.

²⁴ Император Александр I и его сподвижники... Т. 5. СПб., 1849. С. 8.

²⁵ В начале XIX в. данная графа звучала следующим образом: "Из какого состояния, и буде из дворян: то не имеет ли крестьян, и естли имеет, то где, в каких селениях и сколько именно".

²⁶ См.: Лакиер А.В. Русская геральдика. М., 1990.

²⁷ Для сравнения укажем, что в 1721 г. только 12,6% офицеров были из числа иноземцев (см.: Рабинович

нович М.Д. Указ. соч. С. 154), а в начале ХХ в. процент нерусских среди генералитета колебался от 15 до 20% (см.: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 198–199).

²⁸ Например, В.В. Пугачев считал, что "русская" партия сложилась лишь после окончания наполеоновских войн и возглавлял ее П.М. Волконский (Пугачев В.В. Денис Давыдов и декабристы // Труды музея истории и реконструкции Москвы. Вып. VIII. М., 1963. С. 111). В недавно вышедшей монографии А.Г. Тартаковского, в которой едва ли не впервые в историографии подробно разобраны генеральские распри первого периода войны, эта группировка условно названа "партией" Багратиона (Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: Легенда и быль 1812 года. М., 1996. С. 83).

²⁹ Отечественная война 1812 года. Т. XVI. СПб., 1911.

³⁰ См.: Список генералитету по старшинству (по 13 февраля 1809 г.). СПб., [Б.г.]. С. 10–21; Список генералитету по старшинству (по 30 мая 1810 г.). СПб., [Б.г.]. С. 7–8.

³¹ Так, Д.С. Дохтуров, прослужив 10 лет в этом чине и "видя себя обойденным младшими", спросил отставку (РГВИА, ф. ВУА, д. 417, л. 10 об.). Его примеру последовали А.И. Остерман-Толстой, А.И. Горчаков, А.Ф. Ланжерон, Д.В. Голицын, а М.И. Платов подал записку о своем старшинстве (см.: Сажников А.И. Граф Матвей Иванович Платов: опыт научной биографии. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 85).

³² Русский архив. 1872. № 12. Ст. 2389.

³³ Попов А.И. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 348.

³⁴ Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 228.

³⁵ Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Т. 104. № 11. С. 381.

³⁶ ЧОИДР. Кн. I. 1862. С. 194.

³⁷ Вильсон Р. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 133.

³⁸ Русский архив. 1892. № 3. С. 443–444.

³⁹ Русская старина. 1990. Т. 104. № 12. С. 568–569.

⁴⁰ М.И. Кутузов. Документы и материалы. Т. IV. Ч. I. М., 1954. С. 47–48.

⁴¹ Там же. С. 74.

⁴² В "списках генералитету по старшинству" на 24 июня 1812 г. (СПб., [Б.г.]. Разворот 2, 4) Кутузов значился восьмым. Все семь [генералов, которые были старше его в чине, из-за преклонных лет, болезней или отсутствия боевого опыта не могли рассматриваться как кандидаты. Укажем нумерацию старшинства ближних к нему конкурентов: А.П. Тормасов – 14; Л.Л. Беннигсен – 17; П.И. Багратион – 23; М.Б. Барклай-де-Толли. – 24; Д.С. Дохтуров – 28. Уволенный со службы П.А. Пален вообще не числился.

⁴³ По словам Ф.В. Ростопчина, после оставления Москвы солдаты называли Кутузова "предателем" и титуловали "темнейшим", а офицеры громко заявляли, "что стыдно носить мундир" (Ростопчин Ф.В. Письма к своей супруге в 1812 г. // Русский архив. 1901. № 8. С. 464, 468).

⁴⁴ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 278.

⁴⁵ Архив князя Воронцова. Т. 37. С. 234–235.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 41, к. 86, л. 8.

⁴⁷ Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 188.